

УДК 347 + 347.73

Очкуренко С. В.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Ochkurenko S. V.

DELIMITATION OF CIVIL LAW AND FINANCIAL LAW

В статье излагаются некоторые результаты исследования проблемы разграничения гражданского и финансового права. Критически оцениваются попытки доказать невозможность такого разграничения вследствие разрушения границы между гражданским и финансовым правом в процессе развития общественных отношений. Такие попытки поясняются недостаточным исследованием проблемы межотраслевых связей, а также смешиванием категорий право и законодательство. Формулируется и доказывается вывод о том, что отрасль права – это не онтологическое явление, а научная абстракция, которая задумана как совокупность норм исключительно этой отрасли. Отрасль права как основной элемент деления (классификации) системы права по правилам логики не может пересекаться с другими ее элементами.

Обосновывается практическая необходимость разграничения гражданского и финансового права, норм этих отраслей права, гражданских и финансовых правоотношений для практики правоприменения и правотворчества. Отраслевая квалификация конкретной нормы права или урегулированного правом общественного отношения является основанием для применения общих правил соответствующей отрасли права, определяет содержание механизма реализации нормы права и санкции в случае ее нарушения. Без установления отраслевой принадлежности правовых норм и общественных отношений невозможно разрешение коллизий и преодоление пробелов в праве. Отраслевая квалификация общественных отношений является также неотъемлемой частью правотворческой деятельности. В статье формулируются предложения по внесению изменений в законодательство с целью совершенствования нормативных ориентиров для межотраслевого разграничения.

Вместе с тем автор обосновывает, что проблема четкого разграничения гражданского и финансового права может быть успешно решена при существующем состоянии развития общественных отношений и законодательства, регулирующего эти отношения. Нормативной опорой для такого разграничения являются общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом гражданское право не должно выходить за свои пределы, которые удовлетворительно определены законом, а финансовое право не должно осуществлять экспансию в сферу гражданского права.

Ключевые слова: гражданское право, финансовое право, законодательство, право, разграничение гражданского и финансового права.

The article presents some results of a study the problem of delineation between civil and financial law. Attempts to prove the impossibility of such distinction due to the destruction of the border between civil and financial law in the process of development of public relations are critically evaluated. Such attempts are explained by an insufficient study of the problem of interbranch rela-

tions, as well as a mixture of categories of law and legislation. The conclusion that the branch of law is not an ontological phenomenon, but a scientific abstraction, which is conceived as a set of norms exclusively for this branch is formulated and proved. The branch of law as the main element of the division (classification) of the law system according to the rules of logic cannot overlap with its other elements.

Practical necessity of differentiation of civil and financial law, norms of these branches of law, civil and financial legal relations for practice of application of the law and law-making is proved. The branch qualification of a specific rule of law or public relations, which is regulated by this norm, is the basis for applying the general rules of the relevant branch of law, determines the content of the mechanism for implementing the rule of law and sanctions in case of its violation. Resolution of law collisions and overcoming gaps in the law is impossible without the establishment of branch affiliation of legal norms and public relations. Branch qualifications of public relations, which are subject to legal regulation, is also an integral part of lawmaking. The article formulates proposals for legislative changes in order to improve the normative guidelines for interbranch differentiation.

However, the author substantiates that the problem of a clear distinction between civil and financial law can be successfully solved in the current state of development the public relations and the legislation governing these relations. The General provisions of the Civil code of the Russian Federation are the normative basis for this distinction. In this case, civil law should not go beyond its limits, which are satisfactorily defined by law, and financial law should not expand into the sphere of civil law.

Keywords: civil law, financial law, legislation, law, delimitation of civil and financial law.

Вопросы разграничения гражданского и финансового права, норм этих отраслей права, гражданских и финансовых правоотношений, общественных отношений, входящих в предмет регулирования названных отраслей права, приобрели значительную остроту. Однако интенсивность их исследования не отвечает потребностям развития юридической науки, задачам правотворчества, а особенно, – нуждам правоприменения, что обосновывает актуальность темы настоящей статьи.

Методологическая основа для научного решения проблемы разграничения гражданского и финансового права создана трудами ведущих теоретиков права, а также фундаментальными цивилистическими и финансово-правовыми исследованиями. В современный период на указанную проблему больше внимания обращают в науке финансового права. Отдельные аспекты этой тематики нередко затрагиваются и цивилистами. Вместе с тем, создается впечатление, что общее развитие современной научной мысли идет не в направлении решения вопросов отраслевого разграничения, а в направлении их осложнения.

Целью настоящей статьи является формулирование научных положений, которые могут внести вклад в решение проблемы разграничения гражданского и финансового права.

Связи между отношениями, которые регулируются нормами смежных отраслей права, и между нормами таких отраслей права являются весьма интенсивными. Однако научные исследования этих связей и в советское время и в постсоветский период осуществлялись лишь эпизодически и не характеризовались глубиной. Не может отрицаться то обстоятельство, что исследования С.С. Алексеевым системы [1] и структуры [2] советского права стали классикой советской теоретико-правовой мысли. Однако проблемы связей отраслей права, норм отдельных отраслей права, правоотношений разной отраслевой принадлежности, отношений, которые регулируются нормами разных отраслей права, С.С. Алексеевым не были даже в полной мере сформулированы. При этом без осознания межотраслевых связей попытки разграничить отрасли права приобретают упрощенный характер.

Недостаточное исследование стало причиной прямого или косвенного отрицания самой возможности, а также необходимости и целесообразности разграничения внутри системы права. Общее положение такого содержания сформулировал С.В. Дорохин: «... Четкой границы между публичным и частным правом нет и быть не может, они могут восприниматься лишь как два полюса, к которым в большей или меньшей мере притягивают

нормы той или иной отрасли права» [6, с. 45]. Из этого высказывания общеправового содержания Д.А. Гетманцев сделал вывод о том, что четко разграничить финансово-правовые и гражданско-правовые нормы невозможно вообще [5, с. 15]. Подобные высказывания ученых находят опору в фундаментальном теоретическом положении, которое сформулировал Ю.К. Толстой: «... Химически чистые отрасли права выделить невозможно, их просто нет» [13, с. 43].

Несмотря на то уважение, которым пользуется ученый в Российской Федерации и за ее пределами, эту позицию Ю.К. Толстого нельзя оценить иначе, как отказ от разграничения понятий законодательства и права. Если бы Ю.К. Толстой сказал, что химически чистых кодексов, то есть кодексов, которые формулируют исключительно нормы одной отрасли права, нет, его следовало бы безоговорочно поддержать. Ю.К. Толстого следует поддержать и тогда, когда он утверждает, что книга четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) является продуктом «не столько кодификации, сколько инкорпорации законодательства об интеллектуальной собственности, которое было включено в Гражданский кодекс как комплексная отрасль законодательства» [14, с. 160]. Однако же «отрасль права» является научной абстракцией, которая не может подобно материальному веществу содержать примеси других веществ. Поэтому отрасль права – это понятие, обозначающее систему норм одной, единой отраслевой принадлежности. В этом аспекте отрасли права всегда являются «абсолютно чистыми». В составе отрасли права (если это не комплексное образование, а результат первичного деления системы права на отрасли) нет и по определению не может быть даже одной нормы другой отраслевой принадлежности.

Доказывать обратное – это все равно, что на основе наличия примесей в золотых ювелирных изделиях и даже в банковских слитках обосновывать вывод о том, что золото в таблице Менделеева также является сплавом с другими элементами этой таблицы. Не нужно быть химиком для того, чтобы понять, – этот вывод отрицает как само существование золота, так и истинность таблицы Менделеева, созданной именно для систематизации и разграничения в научной абстракции химических элементов. Автор такого суждения противоречил бы собственным выводам в попытке установить свойства не существующего, по его мнению, золота на ос-

нове опровергаемой им системы Менделеева. Точное такое же противоречие содержится, например, в распространенном выводе о том, что определенная группа общественных отношений регулируется финансовым и гражданским правом, а соответствующие нормы или правоотношения ввиду их тесной взаимосвязи не подлежат теоретическому разграничению. Гражданское и финансовое право были сформулированы как элементы системы права, в частности, для того, чтобы отличаться друг от друга, и если ученый обосновывает обратное даже применительно к отдельной сфере правового регулирования, то он, по сути, отрицает существование гражданского права, финансового права и системы права в целом, а не указывает на комплексность регулирования в этой сфере. Возможно, и такая позиция имеет право на существование, но тогда следует предлагать свою альтернативную систему, а не опираться на низвергаемые постулаты.

В финансово-правовых исследованиях тенденция смешивания законодательства, права и их структурных элементов проявляется особенно ярко. Стали обычными такие высказывания как «... в рамках финансового права важное значение имеет взаимодействие частноправовой и публично-правовой регламентации» [12, с. 14]; «... функционирование гражданско-правовых средств в финансовом праве» [4, с. 12]. Взаимодействие частноправовой и публично-правовой регламентации действительно имеет место и является очень важным. Однако же это взаимодействие никак не может иметь место « в рамках финансового права», потому что финансовое право частноправовой регламентации не осуществляет и осуществлять не может. Такая регламентация осуществляется за пределами предмета регулирования финансового права даже при наличии ее тесного взаимодействия с финансовыми отношениями. Серьезные сомнения вызывает и «функционирование гражданско-правовых средств в финансовом праве», если только речь не идет о субсидиарном правоприменении или об аналогии закона.

Подобно этому Д.А. Гетманцев пишет об «обогащении налогового права инструментами налогового залога и налогового поручительства» [5, с. 15]. По нашему мнению, инструментами налогового залога и налогового поручительства обогатились налоговое законодательство и гражданское право, а не налоговое (финансовое) право.

Залог, в том числе, как способ обеспе-

чения обязанности по уплате налогов, – это сугубо гражданско-правовое явление. Правовая конструкция залога, о чем писали в свое время Ф.К. Савиньи и Р. Иеринг [9, с. 546; 11, с. 352], включает в себя вещные и обязательственные элементы. Но обязательственные элементы, как показала А.Р. Чанышева [16, с. 62], являются сугубо вспомогательными. В правовой конструкции налогового залога часть обязательственных элементов заменяются публично-правовыми. При этом сущность залога заключается в вещном (абсолютном) правоотношении. Оно состоит в праве залогодержателя удовлетворить свое требование за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодержателя. Сама суть здесь выражается в слове «преимущественно». Это – право отстранить любое лицо от претензий на вещь, а после этого – удовлетворить свое требование за счет этой вещи. Если бы в правовой конструкции залога не было преобладающего права залогодержателя, она бы потеряла вещный характер. Только тогда возникли бы основания для дискуссии о гражданско-правовом или публично-правовом характере налогового залога. Правда, и в науке гражданского права дискуссия о характере залога не закончена. К сторонникам концепции обязательственного характера залога присоединился В.В. Витрянский, который сформулировал восемь доводов в пользу этой концепции [3, с. 402-403]. Объем и тема статьи не дают возможности проанализировать и опровергнуть эти доводы. Вместе с тем, финансовые публичные правоотношения вещными (абсолютными) не могут быть по определению.

Что касается налогового поручительства, то невозможно согласиться с мнением о том, что правоотношение, возникающее на основании свободного волеизъявления поручителя и контролирующего органа, становится публичным (финансовым, налоговым) из-за того, что контролирующий орган является субъектом, наделенным публичными полномочиями, или из-за того, что налоговым поручительством обеспечивается публичная обязанность. И первый и второй из этих факторов не могут изменить гражданско-правовой характер поручительства даже при использовании его для обеспечения исполнения финансово-правовых обязанностей.

Следует также указать, что п. 7 ст. 73 и п. 6 ст. 74 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) прямо предусматривают применение гражданского

законодательства к отношениям по залогу имущества и отношениям поручительства как к способам обеспечения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах. В законодательстве Украины, на основе которого проводил свои исследования Д.А. Гетманцев, подобное положение прямо не предусмотрено, но это не изменяет правовую природу рассматриваемых отношений. Дополнительные подтверждения нашей позиции можно найти и в законодательстве других государств. Например, согласно ч. 7 ст. 28 Закона Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 (в редакции по состоянию на 19.01.2017 г.) установление, изменение и прекращение залоговых прав и обязательств поручительства осуществляется в соответствии с правилами Гражданского кодекса, а споры сторон решаются в порядке, установленном Гражданским процессуальным законом.

С другой стороны, Д.А. Гетманцев прав, когда он не допускает распространения действия гражданского законодательства на отношения, которые возникают при заключении договора о рассрочке или отсрочке денежного обязательства или налогового долга и на его основании [5, с. 15]. Это утверждение имеет следующие логические обоснования: договор о рассрочке или отсрочке имеет смысл только в пределах налоговых правоотношений, за их пределами настоящий договор теряет смысл. Поэтому в Российской Федерации при предоставлении отсрочки или рассрочки по уплате налога, сбора или страховых взносов договорная форма, как правило, не применяется (ст. 64 НК РФ). Вместе с тем, даже в случаях применения такой формы, например, при инвестиционном налоговом кредите (ст.ст. 66, 67 НК РФ), она, по нашему мнению, не изменяет финансово-правовую природу этих отношений.

Приведенные выше высказывания ученых имеют характер определенных эпизодов. Есть, однако, и масштабные научные исследования, в которых граница между гражданским и финансовым правом полностью стирается. А.Т. Ковальчук в своей монографии приспособил для этих целей даже понятийный аппарат правовой науки. Предметом финансово-правового регулирования здесь определены не общественные отношения, а: «1) образование (накопление), распределение и использования финансовых ресурсов и финансового капитала; 2) финансовые ресурсы и золото-

валютные резервы Национального банка; 3) денежно-кредитные ресурсы коммерческих банков, финансы предприятий, сферы услуг; 4) игорный и лотерейный бизнес, страховые резервные фонды, разного рода децентрализованные фонды» [10, с. 28]. Кроме того, по мнению А.Т. Ковальчука, в орбиту финансового права попадают денежные ресурсы и высоколиквидные активы финансового рынка (в том числе фондового рынка) и рынков финансовых услуг (страховое дело, негосударственные пенсионные фонды, институты посреднического инвестирования, кредитные союзы, ломбарды» [10, с. 28]. А «финансово-правовая система включает в себя в качестве субъектов правоотношений ... рынки финансовых услуг» [10, с. 30].

После такой концептуально-понятийной подготовки автор признает финансовое право «комплексной отраслью юриспруденции», которой, конечно, тесно в сфере публичного права, но выйти на пространство частного права ей мешают научные ортодоксы, в руках которых теоретическое выражение реальной, но неприемлемой действительности превратилось в собрание физически и морально устаревших догм [10, с. 86]. Такая критика «научных ортодоксов», а также революционное определение предмета финансового права, по нашему мнению, лишены какой-либо позитивной основы, хотя бы уже потому, что рынки финансовых услуг – не субъекты правоотношения, а игорный бизнес – не предмет финансово-правового регулирования.

Гораздо более основательными являются позиции С.В. Запольского, который исключает возможность отграничения финансового права от гражданского права. Он выдвигает гипотезу, согласно которой осложнение и обогащение экономических и политических отношений влечет за собой появление отраслей, которые не подвергаются классификации по критерию «публичное» или «частное». Такие отрасли, по мнению С.В. Запольского, отражают особенности производственных отношений в их развитом состоянии. «Гипотетически финансовое право могло быть такой отраслью» [7, с. 15]. Фундаментальность научных поисков С.В. Запольского заключается в том, что он осуществляет их, осознавая, что место финансового права в системе права нужно искать с учетом изменений в общественных отношениях, которые выражаются в развитом состоянии производственных отношений, и в осложнении и обогащении экономических и политических отношений. Фикса-

ция этих изменений и определение социальной роли отраслей права с учетом таких изменений – это правильное и перспективное направление научных изысканий.

Далее Запольский С.В. пишет, что юридические и физические лица вступают в конкретные финансовые правоотношения с государственными органами. Оснований называть эти отношения частнопровыми мало, однако невооруженным глазом видно, что «они не являются чисто публично-правовыми» [7, с. 31]. «Несмотря на регулирование в форме договоров и соглашений ... в силу превалирования публичности целей и задач вступления в эти отношения государственный кредит и государственный долг должны быть отнесены к системе институтов финансового права. Из этих же соображений страхование, сберегательное дело, банковские расчеты, банковское кредитование, то есть институты, которые базируются на договоре ... представляют собой части единой системы финансового права» [7, с. 93]. Следует согласиться с тем, что общественные отношения в сферах государственного кредита, государственного долга, страхования, сберегательного дела, банковского кредитования и расчетов в значительной мере регулируются нормами финансового права. Сущностной причиной этого действительно является превалирование публичности целей и задач вступления в эти отношения. Однако это не исключает комплексности указанных отношений и необходимости регулирования той их части, которая осуществляется в форме договоров и соглашений, преимущественно нормами гражданского права. Это обосновывается не столько их договорной формой, а, в большей мере сутью, - юридическим равенством сторон в рамках таких договорных отношений, как правило, свободой волеизъявления относительно вступления в договорные отношения, и относительной обособленностью указанных отношений от финансово-правовой надстройки (например, от резервных требований и экономических нормативов, имеющих безусловную публично-правовую природу, непосредственно влияющих на договорные отношения в процессе осуществления банковского кредитования и расчетов, но не являющихся их составной частью). Поэтому полное включение вышеназванных отношений в систему финансового права вызывает серьезные возражения.

Изложенные рассуждения В.В. Запольского приводят к обоснованию им идеи частного финансового права [7, с. 102],

исключающей какие-либо надежды на разграничение гражданского и финансового права. В конце концов, ставится задача создать адекватный гражданскому законодательству и другим источникам гражданского права режим правового регулирования финансовых отношений» [7, с. 148], что, по сути, является концепцией решительной экспансии финансового права в сферу гражданских отношений.

Следует обратить внимание и на сугубо практический аспект проблемы. Если бы сторонники идеи абсолютной финансово-правовой природы вышеназванных отношений попробовали бы обосновать правовую позицию в суде, например, по делу о взыскании задолженности по кредиту, используя исключительно нормы финансового права, и неминуемо потерпели бы при этом фиаско, то возможно они бы отказались от такого решительного передела границ между гражданским и финансовым правом. Положения гражданского законодательства широко применяются судами также и в спорах относительно кредитных и других договоров, предусматривающих использование бюджетных средств. Причиной этого является гражданско-правовая природа большинства договорных отношений, возникающих на стадии использования бюджетов и других публичных фондов денежных средств. Сказанное не опровергает не только параллельную реализацию финансово-правовых отношений по поводу такого использования, но и ведущую (определяющую) роль финансового права в таких отношениях, поскольку при использовании бюджетных средств и других публичных денежных фондов всегда преобладают публичные цели и задачи. Однако нормы гражданского права также объективно необходимы для регулирования таких отношений, включая нормы, сформулированные в общих положениях ГК РФ. Нет никакой необходимости дублировать их, издавая специальные нормативные акты как источники так называемого «частного финансового права», поскольку это неминуемо приведет к коллизиям и другим существенным проблемам в сферах правоприменения и правотворчества. Роль финансового права также не возрастет, а напротив, вместо одной из основных отраслей отечественной системы права финансовое право станет размытым комплексным правовым образованием. С другой стороны, как практика правотворчества, так и практика правоприменения, остро нуждаются в научно обоснованных теоретических положениях, являющихся методологической осно-

вой для разграничения гражданских и финансовых отношений.

Иную позицию высказывает С.В. Запольский: «Объявляя финансы сферой властно-имущественных отношений, мы, по логике вещей, должны исключить из предмета финансового права, а следовательно, и из его системы институты, строящиеся на диспозитивной основе, такие как страхование, сберегательное дело, банковский кредит, правовой режим инвестиций, без чего финансы вообще немислимы и бессмысленны. Нередко для преодоления этого теоретического затруднения используется прием «расщепления» того или иного экономического явления на гражданско-правовую и финансово-правовую составляющие. В этом случае, думается, страдает формальная логика, поскольку соответствующий финансовый институт возник как результат единообразного правового регулирования, но не вследствие сложения реализации норм права различной отраслевой принадлежности. Так, расщепляя страховое право на его договорную составляющую и императивное начало, мы вообще рискуем этот институт потерять, настолько взаимозависимы названные части. Кроме того, трудно говорить о единстве отрасли финансового права, составленной во многом из частей отдельных правовых институтов, входящих в другие отрасли права» [8, с. 5].

Испытывая избыток возражений по поводу цитируемого положения С. В. Запольского, обратимся к классику мировой юридической мысли Р. Иерингу: «Обстоятельство, как мало еще сама наука понимает сущность метода расщепления, обнаружилось особенно в споре о противоположности между римским и германским правом. Два современных философа права думали, что недостаток римского права состоял в том, что в нем не хватало «организмов, органических форм, положительного начала органического образования»... Но на чем основана эта мысль? Пока юридическая разлагающая сила еще не поработала над каким-нибудь правовым институтом, последний легко создает впечатление «организма»; все прекрасно в нем переплетается, правовые и этические моменты, форма и содержание, вещные и обязательственные аспекты и т.д. Но едва лишь юриспруденция завладела этим институтом и выполнила относительно него свой долг и обязанности, как, без малейшего изменения в его реальном практическом состоянии, в нем исчезают и поэтическая «срощенность», и «органическое взаимопроникновение», прекрасный цве-

ток умирает, и, вместо него, у нас остаются азот, кислород и пр... Элементы института расходятся в разные стороны, и один попадает в систему сюда, другой туда.... Но разлагающая сила римского духа разлагала не вещи, а одни понятия, и не для того разлагала их, чтобы мешать практическому существованию организмов, но для того, чтобы обеспечить это существование» [9, с. 351].

Формальная логика «не страдает от расщепления» отношений страхования, кредитных и расчетных отношений на частные и публичные отношения и от отнесения первых к предмету гражданского права, а вторых – к предмету финансового права. Напротив, она «страдает» в случае объединения названных отношений в составе предмета финансового права. А еще больше страдает от такого объединения практика правоприменения, в которой необходимо точно осуществлять квалификацию конкретных общественных отношений в качестве гражданско-правовых или финансово-правовых и в зависимости от этого применять те или иные положения законодательства, осуществлять выбор между нередко противоположными принципами, приемами и средствами, используемыми в частном и публичном праве. Без этого правильное правоприменение является невозможным. Наука же должна содействовать, а не препятствовать правильному правоприменению.

Разграничению гражданского и финансового права препятствует также господствующее в науке представление о том, что существуют специальные финансовые законы, включая Налоговый и Бюджетный кодексы, которые регулируют исключительно финансовые отношения, и законы, в которых формулируются отдельные нормы финансового права [15, с. 86]. Суть проблемы состоит в наличии в НК РФ положений, формулирующих нормы гражданского, трудового и процессуального права. Что касается Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ), то в нем количество норм гражданского и процессуального права переходит все разумные границы. Создается впечатление, что законодатель осуществил в БК РФ приспособление гражданского и процессуального права целям комфортности бюджетно-правового регулирования. Например, уже базовое понятие денежного обязательства, которое содержится в абз. 24 ст. 6 БК РФ и широко используются в бюджетном законодательстве, является преимущественно гражданско-правовым по содержанию.

Поэтому даже Налоговый и Бюджетный кодексы не могут быть признаны финансовыми законами, регулирующими исключительно финансовые отношения. Более целесообразным было бы признавать названные кодексы финансовыми законами, выделяя последние по критерию основной их направленности (основного состава отношений, которые ими регулируются).

Налоговый и Бюджетный кодексы могли бы внести более существенный вклад в отграничение финансового права от других отраслей права, если бы в них определялись не отношения, которые регулируются этими кодексами (ст. 1 НК РФ; ст. 1 БК РФ), а отношения, которые регулируются налоговым и бюджетным правом или хотя бы отношения, которые регулируются налоговым и бюджетным законодательством. Состав отношений, которые регулируются соответствующим кодексом можно определить и путем его прочтения, а поэтому такое нормативное обобщение не является существенным ориентиром для практики правоприменения. Однако сейчас сложилась традиция определять в кодексах отношения, которые регулируются ими, а в лучшем случае – соответствующим отраслевым законодательством. Учитывая отсутствие в системе российского законодательства закона, формулирующего общие положения этой отрасли права, следует вывод о том, что понятие финансового права существует, в основном, как научное понятие и термин, используемый в учебном процессе, а не как признанное и определенное законом понятие. Поэтому финансовому праву как отрасли права крайне необходима законодательная опора в виде закона о финансах или о финансово-кредитной системе.

Если сравнить вышеуказанные положения Бюджетного и Налогового кодексов РФ с положениями Гражданского кодекса РФ, то следует отметить, что в ст. 2 ГК РФ определяются отношения, регулируемые гражданским законодательством, что является гораздо более значимым ориентиром для правоприменения, нежели определение отношений, регулируемых соответствующим кодексом. При этом нормативно формулируются существенные отличительные признаки гражданских отношений и указывается, что гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуаль-

ной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Большое значение для разграничения гражданского и финансового права имеет положение о том, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

По нашему мнению, проблема четкого разграничения финансового и гражданского права успешно решается уже при существующем законодательстве и при существующем состоянии общественных отношений.

Разграничение предметов финансового и гражданского права может осуществляться с помощью последовательного использования метода правового регулирования. Финансовое право регулирует лишь властные отношения и не может регулировать отношения, которые основаны на началах юридического равенства и свободного волеизъявления сторон даже в случаях, когда финансовое право существенным образом влияет на такие отношения. Однако в последних случаях, безусловно, имеет место и финансово-правовое регулирование, но не указанных, а смежных отношений, преимущественно отличающихся и по субъектному составу. Например, обязанность получателя бюджетных средств относительно их целевого использования, безусловно, влияет на гражданские отношения этого субъекта с продавцом товара, но эта обязанность входит в состав финансового правоотношения получателя бюджетных средств с субъектом, наделенным публичными полномочиями (распорядителем, органом Федерального казначейства или с другим уполномоченным субъектом), а не в состав обязанностей такого получателя относительно продавца товара по условиям договора купли-продажи.

Таким образом, тесная взаимосвязь гражданского и финансового права является причиной появления научных взглядов о невозможности или нецелесоо-

бразности разграничения этих отраслей права, о неразрывности гражданских и финансовых отношений, особенно в таких сферах как банковское регулирование и правовое регулирование денежного обращения, а также об отсутствии «химически чистых» отраслей права.

Выделяя положительные аспекты этих научных взглядов, следует согласиться с неразрывным единством фактического содержания урегулированных правом отношений, которые возникают в процессе банковской и многих других видов деятельности. Такие виды деятельности невозможно без дублирования разделить на действия, которые направлены исключительно на реализацию финансовых или гражданских прав и обязанностей, поскольку значительная часть действий будет иметь и гражданское и финансово-правовое значение. Также следует констатировать наличие почти во всех законах, а также в Налоговом, Бюджетном и даже в Гражданском кодексах положений, которые формулируют нормы разных отраслей права. В связи с этим правильнее было бы определять понятие финансового закона как нормативного акта, направленного на реализацию целей финансово-правового регулирования, в котором формулируются преимущественно нормы финансового права.

Однако тезис об отсутствии «химически чистых» отраслей может быть приемлемым лишь, если речь будет идти об отраслях законодательства или о комплексных правовых образованиях, а не об отраслях, которые составляют первичную структуру системы права. Отрасль права – это не онтологическое явление, а научная абстракция, которая задумана как совокупность норм исключительно этой отрасли, и в качестве основного элемента деления (классификации) системы права по правилам логики не может пересекаться с другими ее элементами. Поэтому основные отрасли права являются «химически чистыми» логическими образованиями и разграничение финансового и гражданского права возможно, хотя и вызывает определенные трудности. Аналогичным образом норма финансового права и урегулированное этой нормой финансовое отношение никогда не совпадает с нормой гражданского права и соответствующим гражданским отношением, а потому они подлежат разграничению даже при регулировании тесно взаимосвязанных отношений.

В теоретическом аспекте разграничение финансового и гражданского права является одним из направлений реализа-

ции фундаментальных теоретических достижений в области исследования норм права, правоотношений, механизма деления системы права на отрасли. Такое разграничение имеет также важное правоприменительное значение, поскольку определение отраслевой принадлежности конкретной нормы права или урегулированного правом общественного отношения является основанием для применения общих правил и методологии той или иной отрасли права, определяет содержание механизма реализации нормы права и негативные последствия в случае ее нарушения. Без установления отраслевой принадлежности правовых норм и урегулированных ими отношений невозможно разрешение коллизий и преодоле-

ние пробелов в праве. Отраслевая квалификация отношений, подлежащих регулированию, является также неотъемлемой частью правотворческой деятельности.

Поэтому разграничение норм финансового и гражданского права, отношений, которые регулируются этими отраслями права, финансовых и гражданских правоотношений является не только возможной, но и необходимой задачей. Такое разграничение должно проводиться с учетом того, что гражданское право не должно выходить за свои пределы, которые удовлетворительно определены законом, а финансовое право не должно осуществлять экспансию в сферу гражданского права.

Литература

1. Алексеев, С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. – М.: Госюристиздат, 1961. – 187 с.
2. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1975. – 258 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 1997. – 682 с.
4. Гаффарова Г. Р. О гражданско-правовых средствах в финансовом праве / Г. Р. Гаффарова // Финансовое право. – 2010. – № 11 – С. 12-14.
5. Гетманцев, Д. О. До питання про предмет і метод фінансового права / Д. О. Гетманцев // Фінансове право. – 2008. – № 2. – С. 13-16.
6. Дорохин, С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект / С. В. Дорохин. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 136 с.
7. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы финансового права: монография. / С. В. Запольский. – М.: РАП, Эксмо, 2008. – 160 с.
8. Запольский С. В. К вопросу о роли финансового права в правовой системе России / С. В. Запольский // Финансовое право. – М.: Юрист, 2010. – № 8. – С. 2-7.
9. Иеринг Р. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2 / Иеринг Р. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 547 с.
10. Ковальчук А. Т. Финансовое право в рыночных системах (теоретическое исследование в практическом аспекте) / А. Т. Ковальчук. – К.: Парламентское издательство, 2008. – 506 с.
11. Савиньи Ф. К. Обязательственное право. / Савиньи Ф. К.; Пер.: Мандро Н., Фукс В. – М.: Тип. А. В. Кудрявцевой, 1876. – 579 с.
12. Саттарова Н. А. Современные аспекты межотраслевых связей финансового права / Н. А. Саттарова // Финансовое право – М.: Издательская группа «Юрист», 2012. – № 5. – С. 11-14.
13. Толстой Ю. К. О преподавании гражданского права на современном этапе / Ю. К. Толстой // Преподавание гражданского права в современных условиях: Сборник. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. – С. 42-48.
14. Толстой Ю. К., Суханов Е. А. На путях совершенствования отечественного законодательства / Ю. К. Толстой, Е. А. Суханов // Правоведение. – 2007. – № 1. – С. 152-161.
15. Финансовое право: учебник / Под ред. О. Н. Горбуновой. – М.: Юристъ, 2000. – 393 с.
16. Чанишева А. Р. Іпотечні цивільні правовідносини: Монографія / А. Р. Чанишева. – Одеса: Фенікс, 2009. – 148 с.

References

1. Alekseev, S. S. Obshchie teoreticheskie problemy sistemy sovetskogo prava [General theoretical problems of the system of Soviet law]. Moscow, 1961, 187 p.
2. Alekseev, S. S. Struktura sovetskogo prava [The structure of Soviet law]. Moscow, 1975, 258 p.
3. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Obshchie polo-zheniya [Contract law. General Provisions]. Moscow, 1997, 682 p.
4. Gaffarova G. R. O grazhdansko-pravovykh sredstvakh v finansovom prave [On civil remedies in financial law]. Finansovoe pravo. [Financial law]. 2010, № 11, pp. 12-14.
5. Getmantsev, D. O. Do pitannya pro predmet i metod finansovogo prava [On the

- subject and method of financial law]. *Finansovoe pravo*. [Financial law]. 2008, № 2, pp. 13-16.
6. Dorokhin, S. V. *Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Division of the law into public and private: constitutional law aspect]. Moscow, 2008, 136 p.
7. Zapol'skiy S.V. *Diskussionnyye voprosy finansovogo prava: mono-grafiya*. [Discussion questions of financial law: monograph]. Moscow, 2008, 160 p.
8. Zapol'skiy S.V. *K voprosu o roli finansovogo prava v pravovoy sisteme Rossii* [On the role of financial law in the legal system of Russia]. *Finansovoe pravo* [Financial law]. 2010, № 8, pp. 2-7.
9. Iering R. *Izbrannyye trudy. V 2-kh tomakh. T. 2* [Selected Works. In 2 volumes]. Saint-Petersburg, 2006, Vol. 2, 547 p.
10. Koval'chuk A.T. *Finansovoe pravo v rynochnykh sistemakh (teoretichesko-issledovanie v prakticheskom aspekte)* [Financial law in market systems (theoretical study in practical aspect)]. Kiev, 2008, 506 p.
11. Savin'i F. K. *Obyazatel'stvennoe pravo*. [Law of obligations]. Per.: Mandro N., Fuks V. [translated by Mandro N., Fuks V.] Moscow, 1876, 579 c.
12. Sattarova N. A. *Sovremennyye aspekty mezhotraslevykh svyazey finansovogo prava* [Modern aspects of intersectoral relations of financial law]. *Finansovoe pravo* [Financial law]. 2012, № 5, pp. 11-14.
13. Tolstoy Yu. K. *O prepodavanii grazhdanskogo prava na sovremennoy etape* [On the teaching of civil law at the present stage]. *Prepodavanie grazhdanskogo prava v sovremennykh usloviyakh: Sbornik*. [The teaching of civil law in modern conditions: Collection]. Saint-Petersburg, 1999, pp. 42-48.
14. Tolstoy Yu. K., Sukhanov E. A. *Na putyakh sovershenstvovaniya otechestvennogo zakonodatel'stva* [On the ways to improve domestic legislation]. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 2007, № 1, pp. 152-161.
15. *Finansovoe pravo: uchebnyk* [Financial law: a textbook]. Moscow, 2000, 393 p.
16. Chanisheva A. R. *Ipotechni tsivil'ni pravovidnosini: Monografiya* [Mortgage Civil Relations: Monograph]. Odessa, 2009, 148 p.

ОЧКУРЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Финансовое и налоговое право» Юридического института, Севастопольский государственный университет. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33. E-mail: svochkurenko@sevsu.ru

OCHKURENKO Sergei, Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Head of Department «Financial and Tax Law» of Law Institute, Sevastopol State University. 299053, Russian Federation Sevastopol, st. Universitetskaya, d. 33. E-mail: svochkurenko@sevsu.ru

